

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КУЛАЦКОЙ ССЫЛКИ

(по воспоминаниям Марии Васильевны Елизаровой (Феоктистовой))

Феоктистов Н.А.

с. Баскатовка Марковского р-на Саратовской обл., МОУ СОШ, 10 класс

*Научный руководитель: Серенькая И.Н., с. Баскатовка Марковского р-на Саратовской обл.,
учитель истории, МОУ СОШ*

Данная статья является сокращением основной работы. С дополнительными приложениями и фотографиями можно ознакомиться на сайте II Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке» по ссылке: <https://www.school-science.ru/2017/5/27211>

Семейная история, создаваемая многими поколениями, передаваясь от «отца к сыну», является, на мой взгляд, одной из духовных ценностей любого общества. По разным причинам в нашей семье сохранилось очень мало сведений о прошлом: сегодняшнее старшее поколение не интересовалось в молодости вопросами родословия, а многие темы в советское время были закрыты для обсуждения с детьми.

Социальные сети, специализированные сайты и другие современные средства дают сегодня возможность тем, кто желает заняться изучением родословия, восполнить пробелы в семейной истории. Например, только благодаря сайтам «Подвиг народа» и «Память народа» я узнал о моих предках, воевавших в ВОВ. Но, в целом, наша семейная история состоит из отдельных рассказов, многие из которых со временем стали напоминать скорее легенды. Одна из таких семейных легенд, связанных с раскулачиванием, и стала отправной точкой моего исследования.

Цель данной работы – основываясь на архивных данных и воспоминаниях, выяснить, как отразился на истории моей семьи процесс коллективизации советского села.

Актуальность исследования, раскрывающего подробности раскулачивания в нашем регионе, не вызывает сомнения в год 80-тилетия Саратовской области, а также состоит в том, что многие современные исследователи считают устную историю «не просто методом сбора и сохранения исторической информации, но и методом создания нового источника». Лично для меня работа над этой темой позволила открыть неизвестную страницу в истории моей семьи.

Материалами для исследования послужила архивная справка и записи бесед с Елизаровой Марией Васильевной 94 лет, проживающей в г. Архангельске. Ресурсы сети Интернет позволили ознакомиться с документами по вопросам исследования.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Выселение

Семья моего отца Феоктистова Алексея Николаевича по мужской линии происходит из с. Гартовка Татищевского района Саратовской области. Информации о несуществующем сегодня селе мне удалось найти не очень много. Образовано в 1822 году на купленной у города Саратова земле (548 десятин) саратовским комендантом Василием Васильевичем Гартовым (Гартонгом), откуда и пошло название Гартовка. По 10 ревизии 1858 г. значилось крестьян 113 душ мужского пола Надворного советника Николая Васильевича Загоскина. В 1862 году в «деревне владельческой при родниках» находилось 30 дворов, 289 человек, 1 мельница, 1 овчарня. В 1911 году село находилось в составе Сокурской волости, имело 1 с/х общество (бывшие Загоскина), состояло из 127 дворов и 760 человек. В 1970 году Гартовка была центром Гартовского с/с в Саратовском районе. Вначале 1980-х гг. в результате укрупнения село исчезает [11].

Были ли Феоктистовы коренными жителями Гартовки или нет, об этом я пока не знаю. Как не знаю и того, какие события происходили в жизни моих предков до 30-х гг. 20 века.

Самые ранние сведения, больше похожие на легенду, чем на реальное событие, связаны с трагической страницей в истории советской деревни – раскулачиванием. Из рассказов сестёр моего дедушки следует, что семья Феоктистовых была раскулачена и сослана в полном составе в Архангельск. Часть семьи так и осталась жить там, а вот моя прапрабабушка Евдокия с маленьким сыном Виктором, моим прадедушкой (см. приложение 1), смогла сбежать, вернулась в родное село и жила там без документов. Земляки же её не выдали властям. Что в этой истории является правдой, а что нет?

Переписка с родственниками позволила найти сохранившиеся фотографии, сделанные до «раскулачивания» (см. приложения 2,3), и написать запрос в ГАСО. Полученная справка (см. приложение 4) подтвердила, что мои предки были раскулачены в 1930 г. Согласно этому документу, семья Феокистовых состояла из 11 человек. Двое из этой большой семьи (глава мой прапрадед Феокистов Фёдор Васильевич и его жена Наталья Алексеевна) были пожилыми людьми, а значительная часть (5 человек) – дети от 1 года до 8 лет. В документе указано, что Фёдор Васильевич был «обложен индивидуально», «кратирован по хлебозаготовкам», и «отправлен за пределы Нижне-Волжского края в первую очередь» [1]. Я выяснил, что кратировались, то есть подвергались трёх или 5-кратному обложению сельскохозяйственным налогом крестьянские хозяйства, не выполнившие хлебозаготовки.

С термином «раскулачивание», который современные историки рекомендуют писать в кавычках или заменять его на «раскрестьянивание», мы познакомились в этом году при изучении темы «Экономическая политика СССР в 20–30-е годы». Начало «раскулачивания» связано с коллективизацией, то есть созданием колхозов вместо индивидуальных крестьянских хозяйств. Курс на коллективизацию был взят на состоявшемся в декабре 1927 г. XV съезде ВКП (б). Нижне-волжский край, в состав которого входила Саратовская область с 1928 г., был отнесён к районам сплошной коллективизации, в которых к осени 1931 г. все преобразования должны были быть завершены. Не все крестьяне восприняли положительно идею вступления в колхоз и тогда все несогласные стали объявляться «кулаками».

А что означал сам термин «кулак»? Во второй половине 19 века кулак – это «зажиточный крестьянин, наживший богатство на закабалении односельчан и державший весь «мир» (общину) в зависимости («в кулаке»))» [5]. После начала Гражданской войны и введения продразвёрстки кулаками стали называть «всякого крестьянина, который собрал хлеб своим трудом и даже без применения наемного труда, но прячет хлеб, превращается в эксплуататора, кулака, спекулянта» [5]. В 1929 г. выходит Постановление СНК СССР от 21 мая «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс Законов о труде». В этом документе подробно расписаны критерии, по которым можно определить кулацкое хозяйство: к ним относятся «все крестьянские хозяйства, обладающие одним из следующих признаков:

а) если хозяйство систематически применяет наемный труд для сельскохозяйственных работ или в кустарных промыслах и предприятиях;

б) если в хозяйстве имеется мельница, маслобойня, крупорушка, просушка... или другое промышленное предприятие – при условии применения в этих предприятиях механического двигателя...;

в) если хозяйство систематически сдаёт внаём сложные сельскохозяйственные машины с механическими двигателями;

г) если хозяйство сдаёт внаём постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жильё или предприятия;

д) если члены хозяйства занимаются торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством или имеют другие нетрудовые доходы (в том числе служители культа)» [3].

По каким критериям хозяйство семьи Феокистовых было отнесено к «кулацкому»? Ни под один из пунктов «Постановления», если судить по списку того, чем владела семья в 1929 г., она не подходила (см. приложение 4). Можно предположить, что «кулаком» Фёдор Васильевич был объявлен потому, что не хотел отдавать выращенный собственным трудом и трудом своих сыновей хлеб. Но, тем не менее, он был причислен к кулакам 2 категории.

30 января 1930 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно этому постановлению кулаки были разделены на три категории: первая категория – контрреволюционный актив, организаторы террористических актов и восстаний, вторая категория – остальная часть контрреволюционного актива из наиболее богатых кулаков и полупомещиков, третья категория – остальные кулаки.

Главы кулацких семей 1-ой категории арестовывались, и дела об их действиях передавались на рассмотрение спецтроек в составе представителей ПП (полномочных представительств) ОГПУ, обкомов (крайкомов) ВКП(б) и прокуратуры. Члены семей кулаков 1-й категории и кулаки 2-й категории подлежали выселению в отдаленные местности СССР или отдаленные районы данной области (края, республики). Кулаки, отнесенные к 3-й категории, расселялись в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях [4].

Наверное, на этом мои поиски и завершились бы, ведь других документов пока найти не удалось. Но выяснилось, что жива внучка Фёдора Васильевича, Мария Васи-

льевна Елизарова (Феоктистова), свидетель и участник этих событий (см. приложение 5). 8 лет было Маше Феоктистовой в 1930 году. События 86 летней давности она помнит до сих пор и не может сдерживать слёз.

Навсегда запомнила Мария Васильевна холодный февральский вечер, когда в окошко их избы постучали. Приёмный сын дедушки Фёдора, Володя, оставшийся без родителей во время голода, пришёл предупредить своего «тятянюку» о том, что завтра их придут раскулачивать. Информация была получена Володиной от жены, которая мыла пола в сельском совете и узнала, кого будут выселять в первую очередь.

Наверное, Фёдору Васильевичу трудно было поверить в такое, ведь не было в доме особого богатства, да и председатель сельского совета был не просто свой, Феоктистов, а родной племянник Иван, которого в семье звали Ванюрка [2]! Но действительность, открывшаяся на следующие дни, была страшной. На село пришла, со слов М.В., разрядка – раскулачить 10 семей, а село было не очень богатое, почти все дома – скромные мазанки. И лишь два дома выделялись из общего ряда – дома братьев Фёдора и Василия Феоктистовых, добротные, деревянные, построенные для них отцом [2]. Вот так в первых строках списков, раскулаченных оказались родители и родной дядя председателя сельского совета! Сейчас Мария Васильевна даже оправдывает родственника, говорит, что он плакал, но сделать ничего не мог, ведь за «защиту кулаков» сам мог попасть «под расстрел». Хотя позже «дядя Ванюрка пошёл на повышение по партийной линии», работал в Саратове, судьба наказала его – выселенные «куда-то за Урал» родители не пережили первую зиму в ссылке [2].

«Февраль, когда нас выселяли, был очень холодный, морозный», вспоминает М.В. 2 февраля 1930 г. в избу Феоктистовых пришли из сельского совета не свои, деревенские, а «чужие» присланные активисты. Отобрали всё – дом, скот, с собой не разрешили взять ничего. Восемилетнюю девочку даже заставили снять «красивые штанишки с кружавчиками», которые ей недавно сшила мама [2]. Единственным «имуществом» оказались одетые одна на одну юбки. Их, по совету Володи, женщины спешно сшили по подолу вместе, чтобы казалось, что юбка одна. Единственное послабление сделали для многодетной семьи – разрешили взять два овчинных тулупа, которые, как считает М.В., спасли им жизнь в ссылке.

Сначала семью поселили в доме священника, потом отправили в Татищево. Вспоминая эти события, М. В. часто гово-

рит о том, что её отец, Василий Фёдорович (см. приложение 1), был очень «шустрым». Он смог уговорить одного охранника отпустить семью. Тот согласился нарушить правила «всего» за 300 рублей, был уверен, что у «кулаков» есть такая сумма.

300 рублей в 1930 году – много это или мало? Если верить источникам сети Интернет, то в 1927 году 1 кг мяса стоил 42 коп, 1 кг рыбы – 28 коп, творога – 30 коп [8]. А корова до 1930 года стоила от 30 до 50 рублей [10]. В Татищево жила дочь Фёдора Васильевича Арина. Василий Фёдорович написал записку сестре с просьбой о помощи, и, с подробными инструкциями, отправил старшую дочь к тётке. Но та, прочитав записку, расплакалась – денег не было. Все способы спасти семью от страшной ссылки были исчерпаны.

Осталась позади жизнь в родной Гартовке. А впереди – тяжёлая длительная дорога в далёкий неизвестный Северный край.

Глава 2. В Северном крае

В Татищево, на железнодорожной станции, семью погрузили в «телячьи» вагоны. В одном составе были собраны люди из разных деревень, разных национальностей – татары, немцы, украинцы. В каждом вагоне ехало несколько семей. Условия были ужасные – поставленное в угол ведро служило одним для всех туалетом. Плача, М. В. вспоминает: «нам, маленьким, было проще, очень трудно было молодым парням и девушкам. Вся семья вставала в круг, закрывала своих. Выливали всё в единственный люк, когда приехали на место, на поезд невозможно было смотреть [2]». Иногда поезд останавливался, тогда конвоиры открывали двери вагонов и людей выпускали на улицу в туалет. На лошадях подвозили хлеб, кидали буханки в вагон, взрослые делили его на каждую семью [2].

Целый месяц длилась изнурительная поездка, в которой люди были лишены самого необходимого. В начале марта состав прибыл в центр Северного края Архангельск, превратившийся в 1930 г. в самый крупный регион спецпоселений раскулаченных семей [6]. В Архангельске измученных людей поселили в здание церкви. Сейчас это Свято-Троицкий храм на ул. Комсомольской, недалеко от которого проживает Мария Васильевна. А через непродолжительное время снова погрузили в вагоны, только отца и дядю отправили работать на какой-то завод. Семью разлучили, «мы не знали, где они, а они – где мы» [2].

Довезли до Холмогорской станции, всех высадили, подогнали подводы, привезли то ли на озеро, то ли на болото. Там были только шалаши, сделанные из еловых веток.

Оставшихся на попечении Фёдора Васильевича детей и женщин спасли два овчинных тулупа, взятые из Гартовки. Дедушка стелил один тулуп прямо на земляной пол, на него тесно друг к другу ложилась вся семья, второй тулуп служил одеялом [2].

В тяжёлой, полной лишений жизни, случались и радостные моменты – отец Марии Васильевны смог найти семью. «Маленького роста, но очень бойкий», он договорился с охраной и смог узнать на станции, куда отправили родных. Василий Фёдорович принёс страдающим от голода и холода близким самый дорогой на тот момент подарок – немного хлеба, и пообещал, что скоро они с братом придут насовсем [2]. Я не знаю, каким образом он смог это сделать, но семья воссоединилась.

В мае Феоктистовых вновь погрузили в состав, по пути отцепляли вагоны на разных станциях. Так семья оказалась на месте своего постоянного проживания в посёлке Шелекса Плесецкого района. Летом там уже были построены бараки, в один барак размещали 4 семьи. Мне удалось найти фотографию подобного барака (см. приложение 6). Она взята из пропагандистского альбома НКВД «Трудпоселки Северной области и Коми АССР в 1930–1937 гг.», хранящегося в Информационном центре УВД Архангельской области. Альбом содержит более 300 снимков, сделанных сотрудниками НКВД в начале депортации (1930–1931 гг.) и в 1936 г. Кто знает, может быть среди несчастных людей, которых заставили позировать перед своими мучителями, стоят и мои родные?

Важный вопрос, на который мне хотелось обратить внимание – это правовой статус людей, оказавшихся в кулацкой ссылке. Ведь в литературе встречаются разные термины – «спецпоселение», «трудпоселение», «кулацкая ссылка» или «трудссылка». В официальных документах на начальной стадии депортации крестьянских хозяйств (февраль–июнь 1930 г.) использовались термины «выселенные (выселяемые) кулаки (2-я категория)», с 1930 по 1934 гг. – спецпереселенцы, в 1934–1944 гг. — трудпоселенцы, с 1944 г. — спецпоселенцы [9]. Формально спецпоселенцы не были заключенными, но на них распространялись определенные ограничения. Они не могли покидать пределы спецпоселка без разрешения коменданта, назначаемого органами НКВД, за попытку побега или отказ от работы им грозил исправительный лагерь, их не принимали в профсоюзы и в партию, из их зарплат удерживались деньги для содержания администрации спецпоселения, они были лишены избирательных прав [7].

Мужчины работали в лесу на лесоповале. С продуктами было тяжело, на семью давали паёк – хлеб, сахар, одна пачка чая, солёная треска. По разрешению коменданта женщины ходили в соседние деревни, меняли часть пайка на картошку, но много ли можно было принести за спиной за 4 км [2]? Приблизительно в 1934 году, так же по разрешению коменданта, стали разводить у барачников небольшие огороды, а мужчины покупали в деревнях старых лошадей, разрубали тушу топором и из этого мяса делали котлеты [2].

Дети в первое время не учились, их просто не принимали в школы. Изменение этой ситуации, по мнению М.В., связано с письмом, написанным «грамотными» ссыльными самому Калинин: «мы враги, а дети наши почему страдают? [2]» Письмо подействовало – неожиданно пришёл приказ определить детей в школу. Но школы в посёлке не было. Василий Фёдорович организовал строительную бригаду. Так в Шелексе появилась школа с новой самодельной мебелью.

1933 год стал последним годом жизни для многих спецпереселенцев, унёс он жизни троих из семьи Феоктистовых. Первым, в марте, умер Дмитрий Фёдорович, мой прапрадедушка (см. приложение 1). Заболел желтухой. Летом этого же года умер его младший сын Валентин, родившийся по дороге в Архангельск. Был болезненным и слабым, ведь его матери, моей прапрабабушке Евдокии Андреевне, совсем нечем было кормить ребёнка. 31 декабря 1933 года в возрасте 61 года умерла «бабанька» Наталья Алексеевна. У них нет отдельных могил, все трое похоронены в общих могилах со многими другими [2].

После смерти мужа и младшего сына, прапрабабушка Евдокия Андреевна, чтобы спасти старшего сына Виктора, моего прадеда, решила на побег. Именно о ней сложилась семейная легенда, положившая начало моему исследованию. Реальная история оказалась несколько иной, хотя и она местами кажется не очень правдоподобной.

Договорившись с проводником, она выменяла на последнюю кофту билет до Москвы. Но в Вологде проверяющий патруль снял женщину с ребёнком без документов с поезда и беглецов вернули обратно. Но Евдокия Андреевна не отступила, она написала письмо своему отцу в Гартовку. Дед Андрей пошёл к председателю сельского совета с просьбой о помощи. Тот, за взятку в виде стёганого одеяла, выписал документ, разрешающий возвращение, но расписываться в нём не стал, расписался

сам отец, поставив какую-то фамилию [2]. По этому документу и вернулась в Гартовку прапрабабушка с сыном. Насколько реально эта история? Существовал ли на самом деле документ, дававший право вернуться «раскулаченным» домой?

Массовые высылки «кулаков» прекращаются с 1933 года, тогда же начинается постепенное возвращение «кулакам» гражданских прав. С 1933 года детям спецпоселенцев, достигшим совершеннолетия, возвращают избирательные права, а с 1935 года те, кто окончил среднюю школу, мог покинуть поселение для поступления в техникум или вуз. С того же 1935 года избирательные права возвращаются всем бывшим спецпереселенцам. С 1938 г. начали выдавать паспорта детям спецпереселенцев, а в 1939 – инвалидам. В 1939–40 гг. начали освобождать «неправильно высланных». В 1938–41 гг. по решениям местных советов бывшие кулаки, доказавшие честным трудом верность советской власти, могли выехать на родину. Массовое же возвращение бывших кулаков началось после войны. 13 августа 1954 года вышло постановление Совета Министров СССР «О снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц», которое означало конец эпохи раскулачивания.

Когда точно Евдокия Андреевна вернулась в Гартовку, Мария Васильевна не помнит, но вернуться, благодаря присланной из села справки, могла вся семья. Не разрешил Фёдор Васильевич, авторитет которого был бесспорен, сказав, что, там, в Гартовке, «у нас уже ничего нет – дом отдан другим людям, а здесь мы уже как-то обустроились» [2]. Дед, которого внуки звали «деданькой», а взрослые «тятяшей», был, по воспоминаниям внучки Марии Васильевны, очень хорошим, добрым и внимательным. Он очень ждал нашу Победу в ВОВ, дождался и умер 22 мая 1945 г [2].

В это время Мария Васильевна уже оканчивала Архангельское педагогическое училище, она стала учителем начальных классов. После смерти бабушки пыталась вернуться в Саратов. И хотя учителя там были нужны во многих школах, ей отказывали, узнав, что она из семьи «раскулаченных». Так и стал ей край, где прошли самые страшные годы для семьи, второй родиной. Здесь она нашла своего мужа, вернее, он нашёл её, приехав в 1949 г. в составе бригады помогать селу, в котором работала Мария Васильевна.

В 1950-м г. семья Елизаровых переехала в Архангельск, где живёт и сейчас рядом с детьми и внуками. Мария Васильевна часто приезжала в Гартовку. Она говорит, что

деревенские даже завидовали ей: «Вот ты учительница, а мы кто?»

Летом 2016 г. Марии Васильевне исполнилось 94 года. Она практически не выходит из дома и плохо видит, но воспоминания о трагических событиях, изменивших жизнь нашей семьи, сохранила. Сетует, что в этом году не сможет поехать в Шелексу, где вместе с рождёнными уже в ссылке сестрами Шурой 87 лет и Тамарой 80 лет, обязательно ходят на могилу бабушки Фёдора.

Заключение

«Белым пятном» нашей семейной истории являлось долгие годы «раскулачивание» семьи Феоктистовых. Данное исследование помогло открыть эту забытую страницу, которая так и могла бы остаться неизвестной, если бы не Мария Васильевна.

Какой была семья моих предков? Предположу, что, по деревенским меркам, все же не бедной. Если внимательно рассмотреть фотографию из приложения № 2, то виден не только добротный дом, но и совсем не «деревенские» платья на молодой женщине и девочках, ботиночки на ногах у моего прадеда Виктора. Да и наличие двух лошадей и двух коров, возможно, говорит о крепком хозяйстве. Но ведь это свидетельствует лишь о том, что Феоктистовы были настоящими крестьянами. Наказаны они были за то, что в Гартовке не нашлось никого богаче, а не выполнить план по раскулачиванию руководство сельского совета не могло.

Мария Васильевна считает, что раскулачивание было затеяно для того, чтобы освоить Северный край. Действительно, есть такая точка зрения, что «решавшиеся как бы попутно задачи колонизации малоосвоенных или неосвоенных районов за счет практически бесплатного трудоустройства кулаков на лесоповале, горнодобыче или в сельском хозяйстве, хотя и являлись, особенно поначалу, «второстепенными», но со временем выдвигались на первый план».

Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 года признал раскулачивание незаконным, а все пострадавшие от раскулачивания признаны жертвами политических репрессий. После появления закона, Мария Васильевна, для получения компенсации, начала процесс реабилитации. Таким образом, из большой семьи Феоктистовых 2 ноября 1994 г. были реабилитированы трое – Фёдор Васильевич, Василий Фёдорович и Мария Васильевна. Закончить этот процесс – значит восстановить справедливость, которой так не хватило моим предкам в далёких 30-х гг. прошлого века.

Список литературы

1. ОГУ ГАСО. Архивная справка № 183–с от 13.03.2014
2. Интервью М.В. Елизаровой (Феоктистовой) (93 года), записано 19.12.2015 г.
3. Постановление СНК СССР от 21.05.1929 «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде». Законодательство. Документы СССР. [Электронный ресурс]. URL: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc...http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home;rnd=189271.5173452560779688 (дата обращения: 10.02.2016)
4. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». [Электронный ресурс]. URL: urokiistorii.ru/2010/30/kollektivizacia-30yanv (дата обращения: 25.01.2016)
5. Доброноженко Г.Ф. / Кто такой кулак: трактовка понятия «кулак» во второй половине XIX – 20 –х гг. XX вв.// Стратификация в России: история и современность / Отв. редактор Ю.М.Рапопорт. Сыктывкар: изд-во СыктГУ, 1999. С. 28–41.
6. Из истории спецпосёлков в Северном крае //Российский историко-архивоведческий журнал «ВЕСТНИК АРХИВИСТА.RU» [Электронный ресурс]. URL: vestarchive.ru/issledovaniia/702---n-.html1 (дата обращения: 15.12.2015)
7. Главная тайна раскулачивания: чем провинились кулаки? [Электронный ресурс]: информационно-аналитический журнал «Политическое образование». URL: lawinrussia.ru/node/121997?quicktabs_13=1 (дата обращения: 12.03.2016)
8. Зарплаты и цены с XVI века до 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: www.russian-money.ru (дата обращения: 12.01.2016)
9. Раскулачивание и кулацкая ссылка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.historicus.ru/Raskulachivanije_i_kulatskaya_ssilka
10. Сколько стоила корова? [Электронный ресурс]. URL: kuchaknig.ru/show_book.php?book=32825 (дата обращения: 20.03.2016)
11. Татищевский край [Электронный ресурс]. URL: <http://tatiskray.ru/> (дата обращения: 15.11.2015)